

ДАМАСКИЙ В АЛЕКСАНДРИИ (2) ИЗБРАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ЕГО «ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ»

Е. В. АФОНАСИН
Институт философии и права СО РАН
afonasin@post.nsu.ru

EUGENE AFONASIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russia)

DAMASCIUS IN ALEXANDRIA (2). SELECTED FRAGMENTS OF HIS "PHILOSOPHICAL HISTORY"

ABSTRACT. In the paper, I trace the evolution of the Neoplatonic school in Alexandria on the basis of select fragments from Damascius' "Philosophical History," translated into Russian for the first time. The fragments concern the Alexandrian intellectual scene of the second part of the fifth century (fragments 72 to 96 Athanassiadi). Damascius vividly presents the major philosophical figures of this period, such as Heraiscus, Asclepiades, Asclepiodoti (Senior and Junior), and Domninus. Most information is preserved about Asclepiodotus the Junior, who against the background of the general fascination of the Platonists with theurgy and other forms of philosophical religion, the practice of piety and, as a scientific component, theoretical mathematics, stands out for his penchant for empirical research, which could be applied to botany, biology, medicine, geology, for the study and development of technology, and even, if we believe Damascius' account that during his journey from Athens to Aphrodisias he "studied men", then psychology.

KEYWORDS: Neoplatonism, Late Antiquity, Heraiscus, Asclepiadotus, sources of ancient philosophy.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Александрийские философы Гераиск и его брат Асклепиад занимались тем, что можно назвать практической реализацией неоплатонизма. Они, в особенности склонный к мистицизму Гераиск, стремились не только интерпретировать традиционные египетские культы в неоплатоническом ключе, но и даже, под видом «восстановления древних» верований, учреждать но-

вые (фр. 72В и 76Е). В той или иной степени к этому стремились все неоплатоники, например, Прокл (Марин, *Жизнь Прокла* 32, ср. Дамаский, фр. 142В),¹ но усилия братьев, должно быть, были особенно заметны современникам. «Экспортом» философской религии примерно в то же время занимался также знатный и богатый житель Афродисии Асклепиодот (фр. 86В), чьи усилия сделали его заметной фигурой даже в Александрии.

Асклепиад писал гимны в честь египетских богов и «задумал» сочинить трактат о мифической истории Египта (фр. 72D). Последующие разрозненные свидетельства (фр. 74–75) показывают, что в основе его рассуждений лежали различные «символические» толкования египетской иероглифики и религиозной атрибутики. Примеры очень традиционны: гиппопотам символизирует бесстыдство (см. Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 32, Порфирий, *О воздержании* 3.24), крокодил – справедливость (Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 18),² общее количество котят, которые приносит кошка – 28, что соответствует фазам луны (Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 63). Правда, не исключено, что текста самого Асклепиада Дамаский не видел, воспользовавшись сочинением Горуполлона (подробнее см. Athanassiadi 1999, 191 n. 175). В любом случае, можно не сомневаться в том, что Асклепиад стремился, как до него Ямвлих, установить согласие между различными формами богословия, восточными и западными, привлекая для этого обширный египетский материал, который он, судя по всему, очень внимательно изучал (фр. 72D).

В галерее портретов философов-современников Прокла, представленных Дамаскием, полной противоположностью Гераиску, Асклепиаду и Асклепиадоту оказывается Домний, который, по сообщению Марина (*Жизнь Прокла* 26), учился у Сириана вместе с Проклом и стал преемником своего учителя. В отличие от этих первых он отнюдь не был «святым», отличался вздорным характером (фр. 89А, 93), однако был сведущ в математике. Напротив, Платона он понимал на свой манер, что вызвало резкую критику со стороны Прокла. Должно быть, он двигался в том направлении, куда в конечном итоге пришел приемник Прокла Марин – к своего рода математическому платонизму. В период всеобщего увлечения теологией и теургией, эти предметы были не слишком популярными среди изучающих философию, тем не менее, как показывает фр. 93, он все же занимался преподаванием, причем с учениками обсуждал именно математические вопросы.

¹ Подробнее см. Афонасин, Афонасина 2017, 276–278.

² Речь идет об особом крокодиле («сухос», то есть бог Себек, чье святилище находилось в Фаюме) и история связывается с папирусной лодкой Изиды, так как, согласно иному толкованию, крокодил символизировал наглость (Климент Александрийский, *Строматы* 5.42.1).

Следующее поколение философов, согласно Дамаскию, украсил Асклепиодот Младший, подружившийся с вышеупомянутым Асклепиодотом Старшим в Александрии и впоследствии женившийся на его дочери.³

Наряду с платонической философией этот Асклепиодот интересовался естественными науками и медициной. Прокл посвятил ему свой Комментарий к *Пармениду* Платона (618.16–20), считая его лучшим другом и философом возвышенного ума. К сожалению, его сочинения до нас не дошли, если он вообще что-то писал.

С детства Асклепиодот увлекался различными искусствами и ремеслами (*tekhnai*), такими как смешивание красок; он изучал свойства камней и трав, и достиг определенных успехов в различных областях аристотелевской науки, таких как естественная история животных и растений (фр. 80). Не исключено, что именно он изготовил дошедшие до наших дней солнечные часы в Александрии (Athanassiadi 1999, 203 n. 205).

Дамаский сообщает, что гостил у него на своем пути из Александрии в Афины, и описывает его как философа, не вполне уверенного в теологических вопросах, однако лучшего среди современников в области естественных наук, склонного к синтетическому мышлению и стремящегося, даже в области этики, все сводить к физике. Асклепиодот не только собирал информацию. Он, согласно Дамаскию, обладал и критическим умом, нередко задавая остроумные и сложные вопросы (фр. 85A).

Наставник Асклепиодота в искусстве медицины, сын одного врача с острова Родос, по имени Якоб, представлен у Дамаския как образец врача и ученого (фр. 84). Якоб научился искусству медицины у своего отца Гесихия, который путешествовал в течение многих лет по всей ойкумене от Италии до Константинополя, практикуя медицину и приобретая новое знание. Вернувшись назад в Константинополь отец Якоба обнаружил, что большинство местных врачей не проводят самостоятельных исследований и лечение основывают на различных книгах и сборниках рецептов, никогда не подвергая сомнению мнения авторитетов (фр. 84A–C). Гесихий посчитал это неприемлемым и решил передать своему сыну настоящие и проверенные знания. Очевидно, отец и сын приобрели в свое время репутацию опытных врачей, хотя методы лечения, которые приписывает им Дамаский, очень сильно напоминают то, что можно прочесть о пифагорейской медицине у Ямвлиха (*О пифагорейском образе жизни* 244). Наши врачи отвергали операции и прижигания («огнем и ножом»), а также кровопускания, предписывая вместо этого диету, очищающие средства и холодные ванны. Эти мето-

³ Подробнее см. Athanassiadi 1999, 37f. и 348–349.

ды, как сообщается, помогали даже от серьезных нарывов (фр. 84D). Будучи в Афинах, Якоб предписал Проклу воздерживаться от капусты и использовать вместо нее в качестве слабительного мальву. Однако философ отказался следовать предписанию врача, строго исполняя пифагорейский пищевой запрет.⁴

Поведение Якоба задавало стандарты медицинской этики: он был вполне доволен вознаграждением из городской казны, никогда не брал денег с пациентов (фр. 84G) и «был мягок и добр по отношению к каждому нуждающемуся» (фр. 84H). Пациенты любили его и доверяли его словам, называя спасителем («как Асклепия в древности», фр. 84E), и даже воздвигли статуи доктора в Афинах и в Константинополе (фр. 84I и Malalas 14.38, 292 Thurn). Наконец, он был приверженцем древних религиозных ритуалов и лично общался с божеством: «У Якоба была асклепическая душа, от природы наделенная целительской (букв. «пеанической») силой.⁵ Более того, он настолько страстно стремился к осуществлению своего призвания, что это не только приблизило его к божеству, покровительствующему его искусству, но и привело к возникновению подлинной близости между ними» (fr. 84E).

Подобным же образом, Гесий,⁶ ученик неоплатоника Аммония и известный врач, живший в Александрии в начале VI в., не только «достиг большей точности, нежели современные ему врачи и ятрософисты», но и был причастен Асклепиевой мудрости (фр. 128), как, впрочем, и великий схолярх Афинской Академии Прокл, который, согласно его биографу, посетил святилище Асклепия в Афинах незадолго до его разрушения христианами (Марин, *Жизнь Прокла* 29).⁷

Мы читаем, что с молодых лет Асклепидот стремился самостоятельно освоить различные технологии и аккумулировать практические знания. Так он изучил различные красители и способы окраски ткани, специально зани-

⁴ См. Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 109; ср. *Халдейские оракулы*, фр. 210a.

⁵ Ср.: «[как и в мантике] в медицинском искусстве сама пеаническая сила должна принадлежать богам, тогда как функции служения и помощи достаются даймонам... Ведь, как и Эрота, Асклепия окружают множество даймонов: некоторые шествуют позади бога, а некоторые – впереди. Смертным же в удел достается медицинское искусство, основанное на созерцании и опыте, благодаря которым одни осваивают божественное искусство врачевания в большей степени, а другие – в меньшей» (Прокл, Комментарий к *Тимею* Платона I 49A, 158.17–25 Diehl).

⁶ Подробнее см. Athanassiadi 1999, 291 n. 342.

⁷ Подробнее см. наш очерк «Неоплатонический Асклепий» (Афонасин, Афонасина 2017, 137–154).

мался методами обработки древесины, очевидно, знания эти получая в результате подробных бесед с мастерами (фр. 80). Впоследствии он научился синтезировать газообразные вещества, в том числе ядовитые (фр. 87А). Он успешно занимался домашним хозяйством, а также изобретал различные приспособления, в том числе удивительные механизмы для храмов (фр. 87В). Мы знаем, что всевозможные храмовые приспособления (различные самостоятельно открывающиеся ворота, самозажигающиеся светильники и тому подобные «чудеса» техники) пользовались большой популярностью в античности, и Асклепидоту, в качестве наследника его тестя Асклепидота Старшего, который, как уже отмечалось (фр. 86В), активно поддерживал городские религиозные институты и даже учреждал новые, необходимо было продолжить участвовать в этих программах. Очевидно, они были довольно затратными, так как даже поправив дела своего предшественника, Асклепидот в конечном итоге все же не справился с различными социальными обязательствами его семьи, оставив своим дочерям одни долги (фр. 83В).

Еще Асклепидот любил замечать необъяснимые явления природы. В частности, как-то вечером он возвращался домой из Авлона, где посещал храм Аполлона, и заметил восходящую луну, положение которой он не мог объяснить (фр. 82), другой раз он наблюдал странное явление на небе, которое можно было интерпретировать как появление неведомого существа (фр. 96Е), случались с ним и видения (фр. 96А). Для Дамаския это чудеса, такие же, как чудесное спасение философов из реки (фр. 81), однако сам Асклепидот вполне мог рассказывать об этих случаях именно как о непонятных природных явлениях.

Ряд свидетельств хорошо иллюстрирует эмпирический подход Асклепидота, совершенно не характерный для типичного философа его времени. Например, он пытался восстановить способ исполнения энгармоники, экспериментируя с двадцатиструнным инструментом магидидой (фр. 85В). Заметим, что сам по себе этот музыкальный строй хорошо известен. Его, например, разбирает Прокл в Комментариях к *Тимею* Платона 2.168.14 сл. Он описан в различных позднеантичных руководствах по гармонике (цитаты из Никомаха см. в примечаниях к фрагменту). Проблема, которую решал Асклепидот, была не теоретической, а практической. Так как этот строй включал в себя интервалы в четверть тона, возникал вопрос, как их услышать и как правильно продемонстрировать на монохорде? Именно это и оказалось невозможным выполнить, так как у экспериментатора возникла сложность с различением на слух столь малых интервалов.

Мы не знаем, насколько эффективным оказалось лечение с помощью столь опасного и ядовитого средства, как белый морозник, но очевидно, эта

попытка была вполне в духе той экспериментальной медицины, которую практиковал учитель Асклепиодота Якоб и он сам (фр. 85D–E). Примечательно также, что он как-то проверил на себе им самим изобретенную защиту от вредных газов, закрыв органы дыхания гиматием и спустившись в пещеру с ядовитыми испарениями. Прюделав это без вреда для себя, он затем, спустя некоторое время, провёл ряд химических опытов, пытаясь синтезировать газ с подобными свойствами (фр. 87).

Таким образом, на фоне всеобщего увлечения платоников теургией и другими формами философской религии, практикой благочестия и, в качестве научной составляющей, теоретической математикой, Асклепиодот выделяется своей склонностью к эмпирическим исследованиям, которые можно было бы применить в ботанике, биологии, медицине, геологии, для изучения и развития технологий и даже, если верить сообщению Дамаския о том, что во время своего путешествия из Афин в Афродисию он «изучал людей», то и психологии. Это последнее подтверждается и замечанием Дамаския о том, что он стремился в практическом плане истолковать известное неоплатоническое учение о степенях добродетелей (фр. 85A).

ДАМАСКИЙ. ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ (ЖИЗНЬ ИСИДОРА)

Полный текст этого произведения Дамаския не сохранился, однако он был доступен патриарху Фотию (IX в.), охарактеризовавшему его как «не столько жизнеописание Исидора, сколько рассказ о других людях, как его предшественниках, так и современниках». Выдержки из этих рассказов он цитирует и пересказывает в разных местах своей монументальной *Библиотеки* (причем, сначала он выбирает некоторые биографические сообщения, а затем возвращается к началу сочинения и использует те разделы, которые понравились ему по литературным соображениям). Он отмечает также, что книга состояла примерно из 60 глав и была слишком большой, чтобы считаться биографией. В лексиконе *Суда* (X в.) наше сочинение названо «Философской историей» и используется в качестве источника примеров употребления различных слов и выражений, а также для биографических статей. В ряде случаев сведения из Фотия и *Суды* пересекаются. Фрагменты сочинения Дамаския впервые собрал и перевел на немецкий язык Рудольф Асмус (Asmus 1911). На основании этой работы спустя полвека их издал Клеменс Цинтцен (Zintzen 1967). Наконец, Полимния Атанассиади (Athanassiadi 1999) вновь изучила и систематизировала доступные нам свидетельства. Данный перевод избранных фрагментов из «Философской истории» основан на этой публикации.

В данной работе ссылки на *Библиотеку* Фотия даются, как и в книге Атанассиади, по изданию Henry 1959–1977 в форме Ф 6, где 6 – это номер соответствующей выдержки. Лексикон *Суда* полностью доступен по изданию Adler 1928–1938, и ссыл-

ка Σ 3.35.30 указывает на соответствующую книгу (3), главу (35) и раздел (30) лексикона. В некоторых случаях отрывки выглядят как цитаты из нашего сочинения, в других – это лишь пересказ его содержания. В ряде случаев имя Дамаския не упоминается, поэтому я сохраняю астериски, предложенные Полинией Атанасиади для того, чтобы отметить статус того или иного фрагмента: Σ* указывает на то, что данный отрывок из Суды по всем признакам принадлежит Дамаскию, хотя его имя и не названо, а *Σ указывает на тот факт, что в данном случае авторство Дамаския вероятно, но не может быть подтверждено. Угловыми скобками отмечены лакуны текста, квадратными – пропуски и пояснения перевода. Публикация продолжает предыдущие работы: Афонасин 2019, 2020 и 2021.

72

- А (Σ 2.579.3) Гераиск по природе был в большей степени богоподобен, тогда как Асклепиад более сведущ в египетской мудрости, и это потому, что один много времени провел в Египте, а другой путешествовал за границу <...> Так что второй уступал первому в природных способностях, а первый второму в познаниях.
- В (Σ 2.579.29) Именно так он организовал свою жизнь: при каждом удобном случае испытывая душевное стремление посетить какое-либо святилище или место для посвящения, он занялся тем, что восстанавливал древние ритуалы не только в Египте, но и в других странах, где сохранились эти обычаи.
- С (*Σ 1.40.1) Все свои усилия он направил на то, чтобы как можно больше узнать о способах тайного служения богам.
- Д (Σ 2.579.33) Асклепиад, воспитанный на египетской литературе, обладал более точными познаниями в области отечественного богословия, исследуя его начала и средину, а также погрузившись в изучение совершенной беспредельности его самых отдаленных пределов. Это ясно показывают гимны, которые он сочинил в честь египетских богов, а также трактат о согласии между всеми видами богословия, который он задумал сочинить. Писал он и о незапамятных временах египетской истории (Ὠγύγιων),⁸ охватывающей тридцать тысяч лет и даже немного более.
- Е (Φ 93) Асклепиад также говорил, что как-то видел прядь волос невероятно-го размера и красоты, плывущую по Нилу. В другой раз они оба [Гераиск и Асклепиад] как-то обедали на берегу Нила (а третьим был наш фило-

⁸ Буквально, восходящей ко временам Огига.

соф [Исидор]), и снова из реки появился локон, длиной в пять кубитов. Он рассказывает много фантастических историй.⁹

F (Ф 94) Он пишет, что Асклепиад восходил на гору Леван в районе Гелиополя в Сирии и видел там множество так называемых бетилов (*βαιτύλων*),¹⁰ о которых он рассказывает много фантастических историй, достойных нечестивого языка. Он сообщает, что позже он с Исидором лично видел эти камни.

76

A (Σ 2.579.32) Так Гераиск стал вакхантом,¹¹ как и предсказывал сон.

B (Ф 104) Он предрекал будущее в согласии с тайными видениями.

C (Σ 2.580.8) Гераиск был не только добрым и мягким; его возмущал порок и он мог мужественно выступить против человеческой подлости, никогда не поступаясь справедливостью.

D (Σ* 4.469.26) Гераиск, будучи египтянином, был очень хорошим собеседником, однако не очень сильным борцом за истину, не способным проследить и исследовать пути, от нее ведущие. Взамен он был наделен другим прекрасным качеством (*εὐμοιρία*), противоположным этому.

E (Σ 2.579.7) Гераиск был наделен природной способностью отличать живые священные изваяния от неживых. Взглянув на одно из них, он тут же испытывал сердечный трепет, а его тело и душа воспаряли, словно одержимые божеством. Если же он оставался недвижим, то значит данное изваяние было лишено души и божественного вдохновения. Именно так он понял, что в «невыразимом» изваянии Эона обитало божество, почитаемое египтянами и представляющее собой, в силу некоего мистического единства, одновременно Озириса и Адониса.¹² Еще Гераиску было свойственно сторониться всяческой нечистоты, связанной с рождением. Так,

⁹ Локон Изиды, богини, отвечающей за процесс возрождения природы, по египетскому преданию появлялся в конце июня, перед восхождением Сотиса, символизировавшего возрождение Озириса. Эллинистическая адаптация этого культа – «волос Береники», нашедший воплощение в поэзии Каллимаха. Можно предположить, что «локоны», которые видели наши герои, – это стволы крупных папирусов, плывущие вниз по течению (Athassiadi 1999, 187 n. 169).

¹⁰ То есть камней, обычно метеоритов, которые нередко становились предметом культа у кочевых народов.

¹¹ То есть подлинным философом. Подразумевается метафора Платона (*Федон* 69e).

¹² Эон означает Вечность, Озирис смерть, а Адонис – возрождение. Значит, согласно Гераиску, это был символ вечного возрождения.

услышав голос «нечистой» женщины, он тут же испытывал головную боль. *И это было знаком того, что у женщины менструация.*

Таким образом, нечто божественное сопровождало его на протяжении всей жизни. Когда же он умер,¹³ и его брат приготовился оказать ему жреческие почести, обернув его тело в покрывало Озириса, то повсюду на ткани возникли сверкающие невыразимые диаграммы, а вокруг них – чудесные образы, ясно показывающие присутствие божества, с которым делит теперь свое существование его душа. Но и первое¹⁴ его рождение было священным и таинственным. Говорят, что на свет из утробы матери он появился с пальцем, прижатым к губам и призывающим к молчанию, то есть так же, как, согласно египетскому преданию, это ранее случилось при рождении с Гором, а до него с Гелиосом. Так как палец прирос к губам, то потребовалась операция, и след рассечения так и остался на его губе, в качестве знака таинственного¹⁵ рождения.

Говорят, что даже Прокл считал, что Гераиск превосходит его; ведь он знал все то же, что и Прокл, а что Гераиск знал, того Прокл не ведал.

80

(Σ 1.383.9) Асклепидот с детства считался наиболее проницательным и сведущим среди своих сверстников, непрестанно занимаясь всем тем, что ему попадалось на глаза, от примечательных явлений природы до творений человеческих рук. Так он довольно быстро освоил все способы смешивания красок для тканей и различные методы покраски одежды, а также изучил огромное разнообразие сортов дерева, и то как волокна в них переплетаются то прямым, то более сложным способом. Кроме того, он всячески стремился постигнуть разнообразные силы и свойства камней и растений, как общеизвестных, так и весьма необычных. Когда же ему случалось встречать знатоков в различных ремеслах, он нередко садился с ними и подробно расспрашивал, вникая во все детали. Ему очень нравилась естественная история растений и, еще больше, животных. Он внимательно рассматривал те, что находил, подробно изучал словесные описания тех, которые обнаружить не удавалось, а также собирал труды, написанные об этом предмете его предшественниками.

¹³ См. об этом фр. 128.

¹⁴ То есть физическое воплощение до мистического перерождения.

¹⁵ Буквально: невыразимого.

81

(Ф 117) Вместе со своим бывшим наставником Асклепидотом он отправился на реку Меандр с намерением переплыть ее. Течение реки Меандр подхватило их, и они начали тонуть. Асклепидоту удалось вынырнуть лишь на мгновение, достаточное для того, чтобы увидеть солнце. Он закричал: «Мы гибнем», и произнес некое тайное заклинание. В следующее мгновение и без всякой посторонней помощи они полуживые уже лежали на берегу реки и, придя в себя, избежали гибели в адском потоке. Вот какой божественной силой обладал Асклепидот, тогда все еще находящийся в земном теле.

82

А (Ф 116) Карийцы называли это место «долиной Аполлона».¹⁶ Как-то Асклепидот возвращался из Авлона домой в Афродисию. Солнце уже зашло, и вдруг он увидел восходящую луну, словно было полнолуние, хотя солнце и не находилось в противоположном знаке зодиака.

В (Ф 118) Это изваяние также погибло в силу необходимости, уничтожающей все древнее.

83

А (Ф 119 + Σ 1.383.24) Родом он был из Александрии, причем его родители были людьми малообеспеченными, однако скромными и благочестивыми. Мне он известен по нашим встречам как человек добрых намерений, не уступающий своему отцу¹⁷ как в благочестивых устремлениях, так и в горячих и страстных чаяниях, ведущих к божественному. Что же касается философии и других подготовительных наук, то его способности превосходили способности его отца.

В (Σ 1.384.4) Будучи рачительным хозяином и земледельцем, он погасил многочисленные долги, оставшиеся после смерти его отца. Получая законным способом большие доходы он в то же время вынужден был много расходовать, как в силу своих благочестивых наклонностей, так и по причине тех традиционных обязательств перед городом, которые брал на себя дом [Асклепидота Старшего]. В результате своим дочерям в наследство он также вынужден был оставить многочисленные долги.

¹⁶ Авлон. Имеется в виду пещера близ Афродисии, посвященная Аполлону Авлону.

¹⁷ Имеется в виду афродисийский аристократ Асклепидот Старший, на дочери которого был женат этот Асклепидот, то есть его тесть.

- А (Σ 2.601.14) Якоб, по прозвищу Психрист,¹⁸ сын Гесихия, врач. Его отец отправился на Родос, а затем в Дрепанон близ Аргоса, где женился на женщине, родившей ему сына Якоба. Оставив жену и сына, он затем уехал в Александрию и Италию и провел там девятнадцать лет, так что решили, что он пропал без вести. За это время мать Якоба вторично побывала замужем. Этот ее муж умер после того, как у них родилось два сына и дочь. Тем временем Гесихий вернулся в Константинополь и Якоб, узнав об этом, тут же отправился к нему. Именно в это время он начал свое образование и медицинскую практику в Константинополе во времена императора Льва.
- В (Φ 120) *О враче Якобе, чья семья ранее жила в Александрии, но происходила из Дамаска, он [Дамаский] сообщает, что этот Якоб был сыном врача, практикующего почти сорок лет и объехавшего почти всю ойкумену, развивая и совершенствуя свое искусство. И своего сына Якоба он учил столько же лет. Об этом Якобе он (как и другие авторы) рассказывает много чудесных историй. Так, например, услышав о женщине, которая, по причине непрерывного чихания, потеряла все свои зубы, он смог, руководствуясь одним лишь этим обстоятельством, все рассказать об этой женщине, начиная с ее внешнего вида, телосложения и роста и заканчивая особенностями ее душевного склада, обусловленными физиологией.*¹⁹
- С (Φ 121) После длительных путешествий по всей ойкумене, отец Якоба вернулся в Византий и обнаружил, что практикующие в городе врачи были лишены как точных познаний, так и практического опыта в своей профессии; пересказывая чужие мнения, они занимались не врачеванием, а болтовней.
- Д (Φ 122) Они [Гесихий и Якоб] в качестве средства против болезней использовали разнообразные очистительные средства и ванны. Они не торопились пускать в ход железо или пламя, даже наиболее серьезные нарывы излечивая диетой. Воздерживались они и от флеботомии.
- Е (Σ 2.601.24) Врач Якоб. Он был родом из Дамаска и в совершенстве освоил свою науку, не только диагностируя болезни, но и излечивая их, основательно и компетентно опираясь как на теорию, так и на практику. За это заслужил он первый приз в медицинской науке среди своих современников; сравнивали его и с древними, многих из которых он якобы превзошел. Нуждающиеся в его помощи любили его и поклонялись ему как

¹⁸ То есть «охладитель», должно быть потому, что имел обыкновение прописывать пациентам холодные ванны.

¹⁹ Буквально: «более физическими особенностями ее души».

существо, по силам равному богам. Он был настолько уверен в себе и своих методах лечения, что если, диагностировав на основании симптомов болезнь пациента во время визита, заявлял, что этот человек выживет, все радовались и ожидали выздоровления, если же нет – то готовились к смерти больного, более ни на что не надеясь. Он имел обыкновение говорить, что совершенный врач должен либо оставить надежду победить болезнь, либо, согласившись излечить пациента, добиться улучшения его здоровья и покинуть его лишь убедившись в том, что он пребывает в более приемлемом состоянии, или даже несколько позже. По этой причине люди называли Якоба спасителем, как Асклепия в древности. Однако врачи постоянно стремились дискредитировать его, оскорбительно обвиняя в том, что он не врач, а какой-то святой и любимец богов. И они были правы, так как он действительно был праведным человеком, благословенным богами. Если выразить это словами философа [Исидора], то можно сказать, что у Якоба была асклепическая душа, от природы наделенная целительской (букв. «пеанической») силой.²⁰ Более того, он настолько страстно стремился к осуществлению своего призвания, что это не только приблизило его к божеству, покровительствующему его искусству, но и привело к возникновению подлинной близости между ними. Так боговдохновенный Фидий создавал свои творения, а Зевксид придавал форму своим изваяниям.

- F (*Σ 2.450.1) Направленные на излечение больного благие устремления сопровождались в его случае благорасположением ума.
- G (Φ 123) Якоб убеждал своих богатых пациентов помогать бедным и сам не брал с них денег за лечение, довольствуясь вознаграждением из городской казны (τῷ δημοσίῳ μόνῳ ἀρχοῦμενος σιτηρεσίῳ).²¹
- H (*Σ 4.779.23) Более, чем любой человек его времени, он был мягок и добр по отношению ко всем нуждавшимся.
- I (Φ 124) *Этот автор говорит:* я видел статую Якоба в Афинах, и мне он показался не очень складным (εὐφύης), но серьезным и основательным.
- J (Φ 125) Будучи в Афинах, где все дивились его искусству, Якоб предписал больному Проклу воздерживаться от капусты и использовать вместо нее

²⁰ Согласно Проклу (Комментарий к *Тимею* Платона I 49A, 158.17–25 Diehl), пронизывающая весь мир божественная «пеаническая» сила постепенно проливается на низшие уровни бытия, воплощаясь в конечном итоге в доступном человеку искусстве врачевания. Ср. Прокл, Комментарий к *Государству* Платона II 118 Kroll.

²¹ Он засвидетельствован как комит и архиатр («главврач») в Константинополе при Льве I (457–474) (Malalas 14.38, 292 Thurn; Athanassiadi 1999, 207, n. 210).

[в качестве слабительного] мальву. Однако Прокл отказался есть мальву, строго исполняя пифагорейский запрет.²²

85

А (Ф 126) Асклепидот, как считали многие люди, не был в полной мере одарен природой. Он отличался пронизательностью, задавая вопросы, однако вряд ли был столь же сообразителен и одинаково хорош во всем остальном, в особенности если это касалось божественных вопросов – невидимой и умопостигаемой сущности возвышенного учения Платона. Что же касается орфической и халдейской возвышенной премудрости, недоступной обычному философскому уму, то здесь он был еще слабее. Когда же дело доходило до естественных наук, то в этом он не имел себе равных среди современников, разбираясь также в математике, благодаря чему и сподобился славы человека, в высшей степени одаренного природой. Кроме того, он вечно стремился к нововведениям в области этики и учении о добродетелях, ограничивая свои исследования видимым нижним миром, не отмечая (как говорится) учения древних, но собирая все воедино и низводя до уровня природы этого мира (περικόσμιον).²³

В (Ф 127 + Σ 2.87.4) Несмотря на природную музыкальную одаренность, Асклепидот так и не смог восстановить энгармонический род, в то время уже забытый, хотя мог разделять и исполнять два других рода, так называемые хроматический и диатонический.²⁴ Что же касается энгармоники, то ему так и не удалось ее обнаружить, хотя, по его собственным словам, он испробовал на магидиде²⁵ не менее ста двадцати положений. Причина неудачи кроется в малости интервалов энгармонического рода, известных как диез. Невозможность различить их на слух привело к тому, что

²² Пифагорейцам не позволялось есть мальву, так как она считалась «первым признаком симпатии между небесными и земными существами» (Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 109; ср. *Халдейские оракулы*, фр. 210а).

²³ То есть, как можно предположить, Асклепидот стремился упростить неоплатоническую многоуровневую аретологию, особенно популярную после Ямвлиха. Подробнее см. Афонасин 2019.

²⁴ Определение каждого из этих родов (или строев) см., например, у Никомаха из Герасы (*Руководство по гармонике*, гл. 12).

²⁵ Магидида – двадцатиструнный инструмент, половина струн которого звучала в октаву с другими.

утратился весь энгармонический род, так как наше ухо недостаточно натренировано для того, чтобы услышать его.²⁶

- С (Σ 3.11.1) Асклепидот изучал хроматический и диатонический виды в музыке. И он добился того, что его голос и органы речи стали податливее воска, так что он мог настраивать их по собственному желанию так, как нужно. В результате он научился подражать голосам различных животных и любым другим шумам.
- Д (Ф 128) В медицине Асклепидот был учеником Якоба и шел по его стопам, в чем-то даже превосходя его. Так он восстановил давно забытую практику использования белого морозника (*helleborus*), чего не сумел добиться даже Якоб, и благодаря этому вылечивал, вопреки ожиданиям, и неизлечимые болезни.
- Е (Ф 129 + Σ 4.407.25) Изучая медицину, философ Асклепидот из современных врачей признавал только Якоба, а их более ранних, после Гиппократа, киликийского Сорана, именуемого Маллот.²⁷

- А (Σ* 2.35.22) Асклепидот [Старший] был священным и благочестивым человеком. Он поначалу был настолько богобоязненным и осмотрительным, что не позволял себе приносить жертвы и не желал ничего слышать о невыразимых таинствах. Ведь ничему подобному нет места в мире становления, и достойны его лишь олимпийцы и те, кто думает, что обитает на Олимпе.
- В (Σ 1.383.29) Благодаря его усилиям город Афродисия стал более религиозным. И практикуемые там невыразимые таинства он перенес в другие

²⁶ В вышеуказанном месте Никомах так это описывает: «Энгармонический род по природе имеет такую последовательность: диез, затем другой диез, так что вместе они равны полутону, и затем остаток тетрахорда, целый несоставной дитон, что вместе также равно двум тонам и полутону. И далее уже невозможно, чтобы голос был созвучен с голосом». См. Афонасин, Афонасина, Щетников 2015, 202.

²⁷ Один из важнейших представителей школы методистов, Соран происходил из Эфеса и работал в Риме в первой пол. II в. н. э. Очевидно, Асклепидот ценил его в качестве своего рода энциклопедиста, систематизирующего болезни. Правда, его сочинение «Об острых и хронических болезнях» дошло до нас лишь в позднейшем переложении на латынь Целлия Аврелиана. Полностью сохранилось лишь его сочинение «О женских болезнях». Известно также, что Соран написал биографию Гиппократа. Библиографический очерк истории позднеантичной медицины: Афонасин, Афонасина 2017, 23–25.

места – в Александрию, знаменитую своими оргиями [Озириса] и зачаровавшую многие восточные страны.²⁸

- С (Ф 259) Они²⁹ направили свои усилия на философию, хотя ранее им и не доводилось встречаться с хорошими философскими наставлениями.
- D (Ф 260) Обратившись к молитве, он добился того, что странные грезы его покинули и он вернулся в обычное человеческое состояние.
- Е (Ф 261) Он отдал ее, когда настало подходящее время для женитьбы.³⁰
- F (Ф 262) ...обернув невесту в плащ философа, так как она уже была философом.
- G (Ф 130) Так Асклепидот взял в жены Дамиану, исключительно скромную девушку возвышенного образа мыслей, отличную хозяйку, благоразумную и сдержанную в семейной жизни.

87

A (Ф 131) Во Фригии в Иерополе было святилище Аполлона, под которым находился проход, ведущий под землю и источающий ядовитые пары. Над ним безопасно не могли пролетать даже пернатые, а все живые существа, оказавшиеся поблизости, гибли. Лишь посвященные, как он говорит, могли спускаться до самого низа без вреда для себя. *Он сообщает также, что философ Дорос, одержимый божеством, спускался туда и спокойно вернулся назад. Этот же автор пишет, что, будучи в Иерополе, он увидел такой сон: он будто бы стал Аттисом и по велению Матери Богов отмечал праздник, называемый Гиларии, знаменующие наше избав-*

²⁸ Не очень понятное место. Наиболее естественно понимать его как указание на распространение египетских культов на Востоке и общем влиянии александрийской традиции, что, конечно же, верно еще с эллинистических времен.

²⁹ Атанассиади полагает, что здесь речь идет о том, что Асклепидот Младший и его молодая жена Дамиана (см. ниже в этом же фрагменте), дочь Асклепидота Старшего, отправившись в Александрию, изучали там философию. Асмус считает, что имеются в виду жители Афродисии (то есть в фрагменте продолжается рассказ об Асклепидоте Старшем и его религиозной реформе в родном городе).

³⁰ Захария Схоластик (*История* 16–17) также пишет, что Асклепидот Старший, «один из самых известных граждан Афродисии и член городского совета», выдал за философа Асклепидота свою дочь. Вероятно, событие имело место ок. 480 г. Спустя несколько лет, после того, как супругам не удалось завести ребенка, они отправились в тогда еще не подвергшееся разграблению святилище Изиды в Менутисе (о нем см. также фр. 58 выше) с тем, чтобы обратиться к богине с просьбой даровать потомство. Их просьба, как повествует далее история, была услышана.

ление от смерти.³¹ Вернувшись в Афродисию, я рассказал о своем видении Асклепидоту. Он выразил свое удивление по поводу произошедшего и поведал мне не сон вместо сна, но большее чудо вместо меньшего. Он рассказал, что в молодости он спускался в это место, дабы исследовать его природу. Дважды или трижды обернув вокруг себя гиматий так, чтобы тот закрывал ноздри, в результате чего, даже часто дыша, он вдыхал не дурной и пагубный воздух, но безвредный и спасительный, он отправился в подземную расселину, продвигаясь вдоль вытекающего оттуда теплого ручья, и прошел вдоль него почти до самого конца, так и не добравшись до самых глубин. Дальше продвинуться оказалось невозможным потому, что ручей стал очень глубоким и непроходимым для человека. Однако катабаты, находящиеся в состоянии исступления, достигали и крайних пределов. Так, благодаря своей смекалке (σοφία), Асклепидот не только вышел наружу невредимым, но и впоследствии сумел искусственно воспроизвести эти смертельные испарения, используя с этой целью различные вещества.

В (Σ 1.384.1) С молодых лет и до старости будучи человеком, одаренным природой, он изобрел множество устройств для храмовых богослужений, а также украшал изваяния богов и сочинял гимны в их честь.

С (Φ 263) Изреченное и неизреченное в религиозном обряде в честь божества.

А (Σ 3.577.21 + Φ 132) Провозглашать прорицания и заниматься этим делом людям, склонным к философии, не подобает. Ведь страна философа лежит дальше от страны прорицателя, чем, как говорят, Мизия от Фригии. И все же Патриций посмел, вопреки философскому закону, двинуться в этом направлении.

В (*Σ 1.40.14) Он осуждал его страсть к прорицаниям и склонность доверять свои дела шарлатанам.

С (*Σ 1.40.10) Он был шарлатаном и любителем прорицаний.

Д (Φ 133) Крестьянка я мол и деревенщина.

³¹ Гиларии отмечались в Риме в марте в честь Матери Богов и знаменовали собой приход весны и возрождение природы. Великая Мать Богов (греческая Рея) на каком-то этапе развития греко-римской мифологии отождествилась с фригийской Кибелой, возлюбленной которой был Аттис. Сохранилось по крайней мере три версии мифа об Аттисе (о пишут Овидий, Катулл и более поздние источники – Павсаний, имп. Юлиан и Арнобий), но в каждом из них доминирует идея о гибели и возрождении.

А (Σ 2.127.21) Философ Домнин, сириец, родом из Лаодикеи и сирийской Лариссы, вместе с Проклом учился у Сириана, *как пишет Дамаский*.³² В области математики он был очень сведущим человеком, чего не скажешь о других частях философии. Поэтому он своими нововведениями многое искажил в учении Платона. Правда, эти искажения были в достаточной мере избалованы Проклом, который сочинил против него целый трактат, «очищающий», как сказано в названии, «учения Платона». Да и образ жизни, который он вел, не был достаточно совершенным для того, чтобы его можно было назвать подлинным философом.

Афинский Асклепий дал оракул, предписывающий одно и то же лекарство для Плутарха Афинского и Домнина Сирийского. У последнего постоянно открывалось кровотечение (отсюда и название его болезни), а чем болел первый мне не известно. В качестве лечения каждому было предписано вдоволь есть свинину. Плутарх не мог принять такое лечение, хотя оно и не противоречило обычаям его страны, так что, проснувшись и облокотившись на своей кровати, он обратил свой взор на изваяние Асклепия (ведь в это время он как раз спал в вестибюле храма) и сказал: «Господин! Что ты предписал бы иудею, страдающему от той же болезни? Разве и его заставил бы есть свинину?» Так он сказал. В ответ из статуи раздался мелодичный голос Асклепия, предписывающий иное лечение от его болезни.

Напротив, Домнин, получив во сне предписание, противоречащее обычаю <его народа>, примеру Плутарха не последовал и с тех пор начал постоянно употреблять в пищу свинину. Он говорил также, что начинал испытывать боли, прекратив употребление свинины даже на один день, и что только наполнив желудок преодолевал болезнь.

В (Σ 4.329.4) Его тело нуждалось в мясной диете, однако он не мог прикасаться к мясу, не предназначенному для жертвоприношений, именно так истолковывая древний запрет «Не ешь мертвечины».³³

³² Это подтверждает и Марин (*Жизнь Прокла* 26), отмечая, что именно Домнин стал впоследствии преемником Сириана. Это и ряд последующих сообщений Дамаския (фр. 90D, 93) показывают, что между Домнином и Проклом было определенное соперничество, очевидно, в конечном итоге приведшее к дискредитации первого.

³³ Этот запрет приписывают пифагорейцам (Диоген Лаэртский, *Жизни философов* 8.33). Марин сообщает, что Прокл также стремился воздерживаться от употребления мяса, кроме случаев жертвоприношений (*Жизнь Прокла* 19).

- A (Ф 135) Он был вежливым и утонченным собеседником, не только на серьезных собраниях, но и во время простых посиделок, так что все близкие находили общение с ним приятным и полезным.
- B (Σ 1.383.32) Серьезный и, одновременно, остроумный, он мог поддерживать приятную беседу с кем угодно.
- C (Ф 264) Он не уехал в Афродисию даже будучи вызван.
- D (Σ* 3.378.4) Отплыв из Афин и достигнув Селевкии в Сирии, Асклепиодот начал наблюдать за человеческими поступками. И за все время [наблюдений] ему встретились, по его собственным словам, лишь три сдержанных (μετρίως) человека: в Антиохии философ Гиларий, в приграничном сирийском городе Лаодикея Марас, самый справедливый из ныне живущих людей, получивший прозвище Аристид, и философ Домнин.

- A (Σ 2.629.21) Гиларий, из Антиохии в Сирии, где ему принадлежало первое место в городском совете. Одаренный природой, прилежный, острый на язык и имевший в своем распоряжении разнообразные книги, он все же начал изучать философию довольно поздно. Дело в том, что служебные обязанности в городской администрации на родине не оставили ему свободного времени для занятий философией. В молодые годы его характер не очень способствовал развитию благоразумия. Однако случай и подходящее время для воспитания благоразумия выдалось тогда, когда годы несдержанных устремлений для него и так уже заканчивались. Все началось с семейной неприятности, которая затем оказалась воистину счастливым совпадением. Дело в том, что его жена изменила ему с одним из близких друзей. Раствителем оказался ритор по имени Мосх. Пользуясь добрым расположением Гилария и будучи вхож в его дом, он проявил неблагодарность по отношению к своему благодетелю и был застигнут с поличным во время сексуального акта с его женой. Нисколько не смутившись, Гиларий разрешил это дело мужественно и благоразумно. Он призвал к себе этого человека, отдал ему жену и имущество, достаточное для того, чтобы тот по закону мог заседать в городском совете, сам же, так как детей у них все равно не было, покинул страну и, избрав философский образ жизни, отправился в Карию и Ликию. Прибыв в Афины, он захотел стать учеником Прокла и заняться философией. Однако Прокл, услышав, что он прибыл с молодыми наложницами и продолжал вести обычной для него образ жизни, не пожелал его принять. Тогда Ги-

ларий покинул Афины, продолжая таким способом преследовать то, что больше подходило ему, нежели Проклу.

В (Ф 266) Гиларий, который, будучи философом, в то же время не отказывал себе в удовольствиях ниже пояса, учеником Прокла так и не стал.

С (Σ* 2.216.12) Он оставил свои труды из-за склонности к сирийским удовольствиям.

92

(Σ* 3.322.20) Марас и сирийского города Беройя [Алеппо] был очень богатым человеком, однако изобилие не сделало его надменным. Он не выставлял свое богатство напоказ, используя его как средство для достижения справедливости и проявления человеколюбия, помогая нуждающимся и щедро одаривая свой город. Был он настолько добрым и справедливым, что ни в чем упрекнуть его не мог ни гражданин, ни иноземец, ни городской житель, ни сельский. Ни один поступок, если он сводился лишь к воздержанию от несправедливости по отношению к согражданам, он не считал праведным, без устали творя добро. Заботился он не только о своих делах, но и о делах других людей, как городских жителей, так и сельских. Наилучшим доказательством этого было то, что если кто-то намеревался продать участок земли, расположенный рядом с землей Мараса, то продавец мог потребовать более высокую цену, а покупатель соглашался дать за этот участок больше обычного, лишь бы стать соседом этого справедливейшего из людей. Так имя Мараса вошло в поговорку, символизируя справедливое обращение с ближними.

93

(Σ 2.128.13) Говорят, что молодому Асклепидоту довелось встретиться с ним [Домнином], уже стариком, человеком весьма высокомерным и жестким, не устаивающим своим вниманием ни местных, ни гостей, и в особенности тех, кто был выше его рангом. Пренебрежительно обошелся он и с Асклепидотом, когда тот не смог согласиться с ним по поводу одной арифметической теоремы и, с юношеским задором, вместо того, чтобы вежливо уступить, опроверг его доводы настолько резко, что Домнин больше никогда не приглашал его на свои занятия.

94

А (Σ 4.138.12) Он не желал принимать пищу, имея слабый желудок.

В (Ф 136) К богу он отошел по причине сильных болей в кишечнике.

- A (Ф 267) Он имел обыкновение говорить, что продолжительным физическим существованием он обязан своей жене. Правда, говорил он это не с благодарностью, как можно было бы ожидать, но с некоторым сожалением по поводу того, что до сих пор остается в теле, обвиняя ее в том, что она делает все, что только может сделать человек для того, чтобы отсрочить его смерть.
- B (Ф 268) Он восхвалял жену за благовоспитанность и радовался ей.
- C (Ф 269) Удовлетворив ранние ожидания от брака, бог подал знак скорого рождения, и тогда муж увидел, что его жена беременна.
- D (Ф 137) Он взял беременную жену с собой [в Афродисию].

- A (Ф 138) Еще находясь в постели он неожиданно увидел Дике – светоносную деву, изящно подпоясанную, в коротком хитоне яблочно-золотистого цвета, украшенном пурпурными лентами, с повязкой на голове и без покрывала. Она смотрела пристально и насупив брови, однако не на него, а на входную дверь.
- B (Ф 139) Философ Асклепиодот, ученик Прокла, мог читать в полной темноте без света и мог узнавать находящихся [в темноте] людей.
- C (Ф 270) Темнота не мешала Асклепиодоту читать.
- D (Ф 271) Он поведал немало достойных удивления историй о том, что слышал, и много других о том, что видел собственными глазами.
- E (Ф 140) Он рассказывал, что своими глазами видел в Карии голову дракона, упавшего на поле карийца Пифия и принесенную [в дом] к этому самому Пифию. Размером она была с голову огромного быка. Асклепиодот также видел живого дракона, зависшего в воздухе в облачном небе; он извивался на ветру, оставаясь при этом внутри плотного облака, растянувшись там, подобно огромному шесту. Заметив дракона, он начал было показывать его присутствующим, однако облако сгустилось еще сильнее и чудовище исчезло.
- F (Ф 272) И неведомый голос, кому бы он не принадлежал, приказал кораблю остановиться.
- G (Ф 273) τὸ ὁμαχόιον означает видеть и слышать одновременно.

(Σ 1.520.21 + Φ 299) Гесий, прославленный доктор времен Зенона,³⁴ был родом из Петры. Сместив своего учителя Домна Иудея и забрав себе почти всех его учеников, он приобрел известность и прославился не только благодаря своим медицинским познаниям, проявляющимся как в преподавании, так и на практике, но и в целом благодаря своей широкой образованности. Благодаря присущим ему честолюбию и трудолюбию он с годами, скорее прилежанием, нежели благодаря природным талантам, достиг некоего подобия мудрости. В медицине же, как практической, так и теоретической, он существенно превзошел всех современных ему врачей и ятрософистов. Сравнительно поздно начав применять свои знания публично, он довольно быстро продвинулся в своей профессии и достиг определенного процветания, не в малой степени благодаря своей помпезности и умению произвести впечатление. В философии, в отличие от медицины, он мало чего достиг. Так он приобрел значительное состояние и добился редкого признания со стороны римского государства.

Прославляю также и благородную смелость его праведной души. Ведь, когда император Зенон разыскивал Гераиска,³⁵ он спрятал его в своем доме, подвергнув тем самым себя немалой опасности. Когда же Гераиск заболел в своем укрытии и умер, он должным образом похоронил его, обернув его тело и воздав ему подобающие почести.³⁶

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2015) *ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной музыки*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С. (2017) *ΙΑΤΡΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной медицины*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В. (2019) «Идеальный наставник в *Философской истории Дамаския*», *Платоновские исследования* 10.1, 172–196.

³⁴ Гесий учился у Аммония вместе с Захарией Схоластиком (*О сотворении мира*, кол. 1060), который отмечает его философские интересы и подчеркивает его роль в качестве известного борца за сохранение традиционных эллинских ценностей (там же, кол. 1105). Он состоял в переписке с Энеем из Газы (письма 19, 20) и Прокопием из Газы (письма 16, 102, 122, 125 и 164), несмотря на тот факт, что они были христианами.

³⁵ Подробнее о нем см. фр. 72 и 76.

³⁶ См. фр. 76E, где это действие приписывается брату Гераиска Асклеиаду.

316 Дамаский в Александрии (2)

Афонасин, Е. В. (2020) «Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его *Философской истории*», *Платоновские исследования* 13.2, 285–317.

Афонасин, Е. В. (2021) «Дамаский в Александрии (1) Избранные фрагменты его *Философской истории*», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 15.2, 1034–1049.

Adler, A., ed. (1928–38) *Suida Lexicon*. Vol. 1–4. Leipzig.

Asmus, R. (1911) *Das Leben des Philosophen Isidoros*. Leipzig.

Athanassiadi, P., ed., transl. (1999) *Damascius. The Philosophical History*. Athens.

Hadot, I. (2015) *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato*. Leiden: Brill.

Henry, R., ed. (1959–1977) *Photius. Bibliotheca*. Vols. 1–8. Paris.

O'Meara, D. (2006) "Patterns of Perfection in Damascius' Life of Isidore," *Phronesis* 51.1, 74–90.

Zintzen, C., ed. (1967) *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*. Hildesheim.

In Russian:

Afonasin, E. V. (2019) «Ideal'nyj nastavnik v Filosofskoj istorii Damaskiya [An ideal teacher in Damascius' Philosophical History]», *Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations]* 10.1, 172–196.

Afonasin, E. V. (2020) «Damaskij v Afinah: izbrannye fragmenty ego Filosofskoj istorii [Damascius in Athens. Selected fragments of his Philosophical History]», *Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations]* 13.2, 285–317.

Afonasin, E. V. (2021) «Damaskij v Alexandrii (1) Izbrannye fragmenty ego Filosofskoj istorii [Damascius in Alexandria (1). Selected fragments of his Philosophical History]», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 15.2, 1034–1049.